

Глава 469. Сочувствующие богам.

Рассвет уже подступал, но тьма никак не хотела отпускать из своих объятий эту бренную землю. Очертания величественных стен императорского дворца угадывались достаточно отчетливо, но весь город по-прежнему крепко спал. Лишь облаченные в броню солдаты периодически проходили по пустым городским улочкам.

Периодически на улочках слышался звук шорканья кожаных сапог. В окнах огромного дворца виднелся свет лампад и светильников. Иногда из некоторых окон вырывался свет заклинаний и магических экспериментов, которые проводили обитатели дворца. На одной из самых высоких башен свет не исчезал всю ночь.

Храм Богини Света находился в третьем по величине помещении императорского дворца. Зал Храма уже давно стоило привести в порядок, ведь со дней последнего ремонта прошло весьма немало времени. Но все же, этой ночью очертания башни в темноте лишь придавали ей величественности.

Магия наложила на эту башню неизгладимый отпечаток, придав ей загадочный внешний вид и заставляя всякого прохожего подолгу засматриваться на неё. Внутри храма дух традиций всегда висел в воздухе. Именно в этом круглом зале представитель сонма богов изрек правило-постулат для всего человечества: «Справедливость!»

И, несмотря на то, что понятие этой «справедливости» за последние несколько тысяч лет оспаривалось и критиковалось не раз, все эти домыслы жили сравнительно недолго, потому что... хоть в Храме Богини и не было трона, как в дворце Арагона, не было волшебных огней, что зажигались бы в определенное время каждый год, но под лестницей в храме был сокрыт символ, из поколения в поколение объяснявший понятие справедливости.

Это был столб для сожжений! Он напоминал огромный камень, ведь в древности суды над неугодными вершились не так часто, и на столб как таковой он не слишком походил. Столб не привлекал к себе слишком много внимания, но, стоя возле этого столба, можно было явственно почувствовать ту боль, что чувствовали те несчастные, которые были привязаны к нему и сожжены.

В верхней части столба до сих пор сохранились следы огня и копоть. Столб будто бы рассказывал безмолвную историю о всех тех, кто был сожжен возле него. Этот символ справедливости был символом угрозы, символом величия и безмолвной силы. Храм Богини пустовал, несколько святых воинов несли караул неподалеку, но в окрестностях храма стояла гробовая тишина.

Святые воины были облачены в тяжелые доспехи, они стояли подобно скульптурам, не двигаясь с места. Лишь их глаза периодически двигались. Но был возле столба для сожжений еще один человек, облаченный в темные одежды. Под его черной мантией не было видно совсем ничего, кроме хищного взгляда. Человек стоял и безмолвно смотрел на столб, задумываясь, вероятно, лишь о том, сколько людей побывали на нем за его историю. Человек грустно и протяжно вздохнул.

«Кому же сейчас служит эта справедливость? В столь смутные времена?»

Человек говорил низким, протяжным и полным горечи голосом:

- Все, кто был поистине справедлив, как раз таки и были сожжены на этом столбе! Всякий, кто не боялся сказать правду - каждого постигла ужасная участь! - человек будто говорил сам

собой, его голос звучал очень отстраненно.

Лишь только он договорил, как за его спиной раздался другой голос:

- Ты всю ночь простоял здесь? - голос был низкий и спокойный.

Примерно в десяти шагах от человека в черном балахоне, стоял старик преклонных лет. Он появился так же неожиданно, как и заговорил. Его лицо было покрыто морщинами. Его лицо было серым и напоминало лицо умирающего человека. Но его глаза были живыми, они были выразительны и спокойны.

- Да, господин, я всю ночь провел здесь.

Старик усмехнулся, его голос слегка ожил:

- Хм, я так и знал, что ты придешь сюда, ничуть не сомневался! - Седой старик медленно подошел к столбу на несколько шагов ближе, - Я думаю, ты понимаешь это куда больше меня!

Человек в черном балахоне спешно обернулся и горестно взглянул на старика. Глаза двух людей встретились в темноте. Человек в черном отступил на шаг назад, сделав реверанс:

- Да, господин первосвященник, я понимаю.

Седовласый старик действительно являлся первосвященником Храма Света. Первосвященник Павел шестнадцатый ныне оказался намного слабее своего благородного предшественника. Даже его манера речи не обладала той красотой, что была у предыдущего первосвященника:

- Сфинкс умер, я полагаю, теперь тебе есть, что сказать мне!

- Что мне стоит сказать? - воскликнул человек в черном балахоне.

Он приподнял голову и лунный свет мельком озарил его подбородок, на котором был выведен таинственный знак. Его голос стал мягким и спокойным:

- Не стоит бояться, не стоит обманываться, не стоит придумывать того, чего нет. Посему, господин первосвященник, мне нечего вам сказать! Ведь перед лицом Богини Света все как на ладони!

Павел Шестнадцатый оказался не совсем тем, за кого себя выдавал. Он поколебался с минуту, внезапно сказав:

- Что ж... хоть все посланцы неба, быть может, и имеют некие высокие цели, которые должны быть воплощены в этом мире, но я думаю, что ты понимаешь, что я - верховный глава огромной религиозной конфессии, я единственный представитель богини на этой земле. Если в Храме Богини кто-то заговорит вразлад со мной, то это будет нарушением божественной воли, вне зависимости от того, кто виновник этого нарушения. Даже вы посланцы неба!

Человек в черном балахоне, чье имя было Эпудис - растянулся в неискренней улыбке.

Выгнув поясницу, он отошел от собеседника:

- Будь по-вашему, ваше превосходительство!

- Отлично, - кивнул головой Павел Шестнадцатый с удовлетворенным видом, - Сфинкс погиб, но

это вовсе не новость для нас! Как вы только что сказали, все уже давно предопределено за нас. Все в руках Богини, и на все её воля. Но это была смерть божественного создания, я бы не хотел, чтобы ты впредь допускал что-либо, что заставит меня разочароваться! Я хотел бы, чтобы ты знал, что наш злейший враг сейчас на севере! А не на западе! Раньше я бы не согласился с этим, но ты так упрямылся, я, все же, одобрил твою идею! Правда, как видишь, ты ошибался!

Эпудис вновь улыбнулся, но даже улыбка не убрала грусти с его глаз:

- Ваше превосходительство, я надеюсь, вы помните, что я и Сфинкс некогда вместе сошли с небес с особой миссией. И миссия была – закончить дело Богини в этом поганом мире! - договорив, он широко развел руками, - Все посланники неба могут помочь вам, чем возможно, помочь одолеть чужаков с севера, но вам не стоит забывать о втором указе богини...

В его руках внезапно возник яркий огненный шар. Огненный шар взмыл ввысь, озаряя ночную темноту. В мгновение ока, столб для сожжений охватил огонь. Столб принял зловещий и неприятный оттенок, награвшись от пламени. Огонь осветил высокую фигуру Эпудиса.

-...Второй указ богини... те, кто не должен жить в этом мире, должны как можно скорее его покинуть! Я надеюсь, что лично увижу, как эти люди будут гореть на костре, привязанные к этому столбу!

Первосвященник долго молчал, глядя на Эпудиса.

Он долго смотрел на этого небесного посланника, в конце концов, покорно кивнув головой:

- Почтенные посланцы небес.

Эпудис усмехнулся:

- Вот именно! Почтенные посланцы небес!

Когда первые лучи солнца взошли на северо-западе, весь город Англия вмиг ожил и пробудился от долгого ночного сна. Солдаты на стенах трубили подъем. Стража стала заполнять городские улицы. Новобранцы вышли на утреннюю зарядку. Солдаты, толкаясь, медленно выходили из казармы в сторону столовой, ожидая завтрака.

Дежурные внимательно осматривали каждого из воинов. По улице шел старик в грязном зеленом балахоне. Но он не мог позволить себе сменить эту старую одежду. Особенно на белую!

Когда-то усадьба мэра города всецело принадлежала Гэндальфу, без его согласия ранее никто не мог пройти в приусадебный парк. Но одно нехорошее событие, случившееся с Гэндальфом, положило конец этому прекрасному времени. Теперь же усадьба и близлежащие постройки были сплошь огорожены стальными оградами.

Когда Гэндальф проходил возле усадьбы, изнутри донесся странный звук. Позже в дверях показался взъерошенный лохматый человек. Он выставил руки, будто хотел ударить Гэндальфа.

Магический кристалл вмиг издал какое-то шипение. И сноп блестящих облаков накрыл усадьбу со всех сторон. Магический удар сбил лохматого с ног, после чего тот беспомощно завопил.

Гэндальф безразлично пошел дальше, бросив:

- Хорошо, хорошо, Сибастер, сейчас, судя по всему, пора идти трапезничать, надеюсь, в следующий раз ты выучишься хотя бы какому-нибудь этикету! Ты все-таки человек, а не животное!

Валяющийся на земле парень мало-помалу замолчал, глубоко вздохнув, и настороженно уставился на идущего в усадьбу Гэндальфа. Он лежал ничком, не вставая, лишь отполз в сторонку, как побитая собака.

Сидевший за обеденным столом Сибастер несколько колебался. Всякий раз, когда он пытался протянуть руку и взять что-нибудь с обеденного стола, Гэндальф протягивал руку, касался руки Сибастера и обжигал его маленьким огоньком на кончике указательного пальца.

От боли Сибастер звонко вскрикивал. Но организм Сибастера обладал довольно интересной особенностью: его раны имели возможность затягиваться сразу после ранения.

- Забыл, чему я учил тебя, бестолочь? Как нужно себя вести, когда чужие люди дают тебе что-то? - гневно воскликнул Гэндальф.

Сибастер что-то промычал и отполз в сторону. Его глаза смотрели вникуда. Что-то пробормотав, Сибастер выговорил какое-то сложное несуществующее в природе слово. Его манера речи напоминала манеру младенца, учащегося говорить, но эта была речь!

-Спас...спасибо. - протянул Сибастер.

Гэндальф пододвинул тарелку с едой поближе к Сибастеру.

Раздался звук хлопков чьих-то ладоней. Гэндальф обернулся и увидел того парня, стоящего в дверях, хлопающего в ладоши изо всех сил.

-Здорово, что за то время, пока меня не было, вы научили этого сына генерала говорить!

- Я не няня для детей! - бросил в ответ Гэндальф.

Его лицо вдруг приняло огорченный оттенок:

- Ты! Ты, как ушел, так пропал на целый месяц! Бестолковый болван! Где ты был так долго?

Двэйн усмехнулся, его лицо растянулось в задорной улыбке:

- Что ж... я еще и не вернулся... кстати, я привез тебе такой дорогой артефакт, о котором ты даже не догадываешься... да и не один, к тому же!